

Даже пандемия 2020 года не смогла остановить литературный процесс. В Иркутске в издательстве «Сибирская книга» вышел итоговый двухтомник «На изломе тысячелетий», собрав под твердой обложкой избранные произведения поэтов и прозаиков из числа юбиляров 2020 года. Этот год мы запомним надолго, как год пандемии непонятого происхождения. А этот двухтомник — наглядное и весьма весомое доказательство

того, что жизнь и литература все равно возьмут свое, и писателям не стоит унывать. Даже в Великую Отечественную войну книги выходили в свет, а сибиряки в свое время не испугались Гитлера, так с чего бы идти на поводу у ковида?

Первый том хрестоматии посвящен поэзии. Второй том — прозе. Прекрасно изданные книги в твердом переплете, их так приятно взять в руки. И по-доброму порадоваться за коллег-иркутян: губернатор Иркутской области осознает значимость русского слова, активно сотрудничая с писательской организацией и тем самым помогая произведениям писателей доходить до читателя. Именно благодаря пониманию главы Иркутского региона двухтомник, профинансированный Министерством культуры и архивов Иркутской области, теперь попадет в библиотеки.

В предисловии к поэтическому тому известный поэт и общественный деятель Владимир Скиф нашел доброе, но при этом объективное слово о каждом собрате по поэтическому перу. Однако слова Владимира Скифа по праву могут быть обращены ко всем писателям России, не только поэтам и не только иркутским. Не только сибирякам, но и словотворцам других градов и весей России. Эти слова проникнуты глубочайшей верой в Слово: «...ваша поэзия необходима русскому сердцу, русской душе, русскому сознанию! Нам нельзя терять своего читателя. В мире и так много утрат. В добрый путь! К читателю!..».

Многие отмечают, что с началом пресловутой пандемии стали больше читать именно книги. А я хочу верить, что читать мы стали не только больше, но и внимательнее. Не мной сказано, что порой стихи, написанные вовсе не к конкретно-

му поводу, читаются в свете современности пророчески. Для примера возьму из поэтического тома философское стихотворение на библейскую тему. Написанное явно не про ковид, оно на удивление «стреляет» по дню сегодняшнему. Сегодня уже у многих наступает понимание, что напасти в виде новомодных недугов — не просто происки сил тьмы, но и некая кара свыше. Некое продолжение наказания человечеству, когда-то изгнанному из рая за первородный грех вкушения плода познания. В первородном грехе человечество кается молитвами своих праведников и подвижников веры, но не перестает при этом грешить. Ведь грех многолик, причина ему — гордыня. Она — как самонадеянно водруженная человечеством на себя корона со словами «Человек — царь природы». Благодаря ей грех стал настолько вездесущим, что поселился даже уже не в словах, об искушении которыми мы знаем из классики: «Мысль изреченная есть ложь». Либо вспоминая пословицу: «Молчание — золото». Грех настолько завладел человеческой цивилизацией, что поселился в самом человеческом дыхании. И тут уже никакие медицинские маски не помогут оградить себя от этой кары, хотя с медицинской точки зрения они, наверное, нужны. Пока не снимем с себя «корону», название которой символично имеет новый вирус, не избежим наказания, выдыхая грех в мир. Именно так вдруг прочиталось мной стихотворение Сергея Эпова:

«Это словно мой собственный сон. // Это яблоко. Древо познания. // Послевкусие. Мякоть и сок. // Послевкусие. Горечь изгнания. // Это в нашей дремучей крови — // Ощущенье преступленной грани. // Новый грех не спеша раствори // Не в сосуде души, а в стакане — // И не пей... Эти двое в раю... // И потом уже — смертные оба — // Они помнили рай в том краю // Невозвратном — до самого гроба... // ...Этот грех... До всего и до всех — // Это где-то в крови, в подсознание. // И поэтому — это наш грех. // Не в словах даже. Просто в дыханье...» (Сергей Эпов, «Адам и Ева»)

В поэтическом томе собраны стихотворения семнадцати поэтов из Иркутска, Ангарска, Братска, Усолья-Сибирского, Шелехова, поселка Новонкутск и Северобайкальска. Это стихи поэтов-юбиляров, не только ныне живущих, издающихся авторскими сборниками и публикующихся на страницах литературной периодики России. Это также стихотворные подборки поэтов, которых нет среди нас. Ведь жизнь настоящего писателя в литературе вовсе не заканчивается с его человеческим уходом. И ушедшие писатели также вправе обращаться к читателю со словами воодушевления, вразумления, исповедальности... Широко представлен Иркутский край своими поэтами в этом томе. Георгий Кольцов из поселка Буреть Куйтунского района. Сергей Швецов и Анна Рандина из города Шелехова. Анатолий Лисица из знаменитого Братска. Владислав Селиванов и Людмила Белякова из Ангарска. Юрий Кочура из старинного Усолья-Сибирского. Александр Кобелев из Новонкутска. Тарас Манданов из села Хандагай Баяндаевского района. Светлана Анина представляет Северобайкальск. И, конечно, поэты-иркутяне Владимир Скиф, Валентина Сидоренко, Татьяна Миронова, Геннадий Аксаментов, Сергей Эпов, Татьяна Назарова, Вера Козарь с ее трогательными стихами, которые будут интересны и взрослым, и детям.

«Прыгнет цыпленок в ладони. // Бабушкин дом. Тишина. // Травы в чулане. Иконы. // Тополь седой у окна. // Пыльные стежки-дорожки. // Гуси пасутся. Река. // Куры, клюющие крошки // Прямо из рук. Облака // Легкие, словно из пуха. // Горечью пахнет полынь. // Знойно. А в небе ни звука. // Тает бездонная

синь. // Медленно едем в телеге. // Как на ухабах трясет! // Рыжая лошадь соседей // Воду на отмели пьет. // Бабушка в фартуке белом // Мажет яйцом пироги. // Смотришь — устала и села: // Внучка, иди, помоги!.. // Прыгнет цыпленок в ладони. // Бабушкин дом. Тишина. // Травы в чулане. Иконы. // Тополь седой у окна». (Вера Козарь, «У бабушки»)

Практически поэтический том — это оркестр поэтов, когда каждый автор, ведя свое соло, является частью общего лирического настроения. В преддверии весны и после усталости годичной пандемии хочется именно лирики, этого испытанного лекарства для души. Прочитать лирическое стихотворение — все равно, что вдохновиться для жизни, излечиться от хандры:

«Вечерами ходишь грустная, // Говорю тебе стихами я, // Ты еще такая вкусная — // Зреть нельзя без придыхания.//Ну а я, как пес потерянный, // В подворотнях горе мыкая, // На прохожих злобно рыкаю, // В их улыбках неуверенный. // Подпущу тебя лишь, милую, — // Приручи меня, пожалуйста. // И совсем не надо силою — // Только ласкою да жалостью // Дождь горит на травах искрами, // Осыпаясь с неба жаркого. // Если хочешь счастья искренне — // Полюби такого, жалкого. // И пойдем по жизни рядом мы... // Знаю точно — встреча сбудется // Под завистливыми взглядами // Тех, кому любовь лишь чудится» (Юрий Кочура, «Встреча сбудется»)

Последнее время оказалось щедрым на разлуки, порой непоправимые: немало народу сгубил проклятый вирус во всем мире, и никакие организации объединенных наций и прочие всемирные организации здравоохранения спасти нас были не в силах... Тоже с необычной подсветкой прочлось у меня стихотворение Юрия Кочуры — о разлуке, об умении перенести ее и жить дальше, несмотря ни на что:

«Так и не создали века // Слов, подходящих для разлуки. // Протянешь медленно мне руки // И тихо скажешь: «Ну, пока...». // Слова печальные, звеня, // Вспорхнут, как бабочки над вазой // С цветами. И у кружки с квасом // Присядут, глядя на меня. // И я отвечу: «Ну, пока...» // Пусть все окончено меж нами, // Цветы останутся цветами, // И в небе будут облака... // Не рухнет здание ООН, // И даже ни одна на свете // Телефонистка не заметит, // Что замолчал мой телефон. // Два тихих слова: ну, пока... // Несмело, но бесповоротно // В набросок повести короткой // Легла последняя строка...» (Сергей Швецов)

Редки стали наши поездки и встречи с друзьями и земляками — карантинные ограничения были таковы, что часто единственным средством общения стал телефон или интернет. С ностальгией читаю стихотворения поэтов про встречи, поездки, душевные разговоры... Всего этого мы почти год были лишены, пусть поэты нам напомнят, как это здорово:

Земляк в декабре прилетел из Иркутска. // И сразу — как с улицы пар — обволок // Застолье с нехитрой московской закуской // Такой самобытный родной говорок. // А друг, до расспросов с дороги охочий, // Шагал возбужденный от двери к окну... // Дочурку свою по-чалдоньи звал дочей, // Зародом — скирду или соломы копну. // Своей Родионовной — жизнью ученый, // Газетчиком стал от ногтей до волос // И все же: «О доме скучаешь, ли чё ли?» — // Сибирское «чё» с языка сорвалось... (Георгий Кольцов)

Самоизоляция... Год назад она просто шокировала людей! Многие были вынуждены проводить дома все свое время... Тут во многих случаях наступил момент истины. Многие семьи распались, не выдержав самоизоляции. В стране случился всплеск разводов в первые месяцы самоизоляции. Зато самоизоляция стала проверкой семьи на прочность. Те семьи, которые существуют не только на бумаге, скрепленные печатью ЗАГСа, но на любви и доверии, выстояли и окрепли. А многих супругов ждало новое открытие своих близких. Порой, живя в заколдованном круге работы, нам некогда неспешно поговорить с самыми близкими людьми. Как шутил спустя пару месяцев самоизоляции приятель: «Сидя дома, общался с женой. Чудесная и удивительная женщина оказалась!» Многие мужья открыли в Таинственных Незнакомках своих жен заново!

«Тебя узнал я. В этом доме // Ты проживала в третьем томе // Записок Блока и стихов // Среди туманов и духов. // Ты неожиданно явилась, // Ты ожила и удивилась, // Что я с тобою не знаком, // Хотя любил тебя тайком. // Ты протянула мне перчатки, // Сказала тихо: — Все в порядке. // Я покидаю третий том, // Не покидая этот дом. // И я подумал: как жестоко — // Уйти из осени, из Блока! // Знакомой для знакомых стать // И прежней тайной не блистать. // Меня ты словно пролистала, // Сказала горько: — Я устала // От нелюбви, от немоты... // Хочу слоняться у плиты, // Варить, любить, смеяться громко... // И улыбнулась Незнакомка. // — Но кто ты? — изумился я. // — О, Господи! Жена твоя!» (Владимир Скиф, «Незнакомка»)

Судьба поэта непроста во все времена. Вроде избавились мы от цензуры идеологической, так ей на смену нагрязнула цензура финансовая. Рынком именуемая. Который, мол, сам все устроит и все урегулирует. В итоге видим, как в самой читающей стране чахнет понемногу настоящая культура, подменяемая приткыми «суррогатами» «поэтов», «музыкантов», «актеров»... А настоящие творцы, скромные по причине наличия таланта, скромно стоят на обочине, потому что не вписались, да и не могли вписаться, в рыночные отношения:

«Я встретил их на рынке как-то // И пожалел, что не богач, // Что я смирился с этим фактом. // Поговорив о том — о сём // С известным в городе поэтом, // Сошлись на том, что невесом // Наш гонорар зимой и летом. // А девочка, не слыша нас, // Легко пиликала на скрипке. // Лежало в баночке как раз // Рублей с полсотни, мятых, липких. // И рядом книжица его // Стихов с русалкой на обложке. // Десятку он просил всего, // Старик, контуженный в бомбежке... // Но не о том его печаль, // Они дотянут до полочки. // Ему достаточно на чай, // Да на учебу надо внучке. // Его девчушка-вундеркинд, // И ей бы надобно учиться. // Такая хрупкая на вид. // Как примет девочку столица? // Они стояли там вдвоем, // Уже охрипшие от жажды. // Не каждый жаловал рублем. // А скрипку жадно слушал каждый. // И я посетовал на быт // Наш, неустроенный и дикий. // А скрипка плакала навзрыд, // Глуша толпы базарной крики. (Анатолий Лисица, «Поэт и скрипачка»)

Горьки слова этого стихотворения... Пока общество, надев на себя корону гордого потребительства, не очнется, у наших талантливых детей и внуков не будет будущего. Тут самое время от поэзии перейти к прозе жизни и к прозаическому тому хрестоматии.

Составитель и автор предисловия к прозаическому тому, известный сибирский писатель Юрий Баранов с уважением отнесся к авторам, позволив каждому

самому выбрать произведение, наиболее достойное внимания читателей. В тех случаях, когда автор уже ушел в мир иной, такой выбор стал делом их наследников. Повесть «Глубинка» известного иркутского прозаика Глеба Пакулова выбрала и предложила для публикации вдова писателя. На одном дыхании прочтет читатель повесть Ивана Комлева «Ковыль» — о военном детстве, сколь суровом, столь же прекрасном верой в счастливое будущее. Тогда некому было ограждать детей от неизбежных ударов жизни. Потому и выросло поколение, привыкшее к самостоятельности и самостоянию. Нынешнему поколению великовозрастных инфантилов сложно понять загадку раннего взросления и становления характера их дедов и отцов. Понять, откуда в них это неискоренимое чувство ответственности за ближнего. Такие повести надо читать современной молодежи — для раздумления, старшему поколению читателей для освежения памяти. Ведь только полная испытаний жизнь помогает нам понять мир во всей его непростоте, а порой и противоречивости: «...*Серезжка спросил: «Пап, а почему это ковыль шелковистый такой и ласковый, а колючий? Вот, — выдернул перышко, — вишь какое острое шильце, как маленькое копье!» «Не знаю, — задумчиво сказал отец и посмотрел на дорогу. Из деревни в их сторону мчался всадник. Отец перевел взгляд на светловолосую Серезжину голову, вздохнул: — Полегли, может быть, наши деды-прадеды от вражеских стрел или копий на этом месте или в других краях, а в память о них растет ковыль».*

Художественная переключка прозаических произведений в том, что и в повестях мастера почвенной прозы Анатолия Байбородина «Песня журавлиная моя...» и «Деревенский бунт» тоже, по сути, главной художественной задачей является это сформулированное еще Пушкиным «самостояние человека». Повести Байбородина — это яркий сочный народный язык и первородный юмор, перемежаемый прозрачно лирическими отступлениями. Самобытный прозаик Николай Зарубин представлен повестью «Пуповина». Многие годы работы в районных газетах дали ему знание и чувство сибирской провинции, сострадательное и восхищенное преклонение перед человеком созидания, человеком почвенным, приготившимся там, где родился, и не страдающим от того, что сохранил духовную пуповину, соединяющую его с землицей-матушкой.

Исторический прозаик Олег Слободчиков выступает в не совсем привычном жанровом качестве, предлагая читателю заглянуть в глубины человеческого подсознания в рассказе «Дар». Рассказ о судьбе волкособа, как называют порой собак, в чьих жилах течет и волчья кровь. Но сколько человеческого в этом псе, личностное начало этого благородного животного превосходит порой душевные качества иных двуногих созданий. Вот тебе и «брат меньший!» Повесть «Армань» Александра Лаптева вызовет особый интерес у тех, кому небезразлично прошлое России в тот исторический отрезок ее развития, который выпал на время сталинского правления. Несмотря на то, что литература во времена сталинского правления была особенно уважаема и определяла общественные настроения, при этом судьбы многих писателей были непросты. Как судьба Петра Поликарповича Петрова, известного сибирского писателя, чье имя присвоено Иркутскому дому литераторов. Герой гражданской войны и в то же время один из зачинателей сибирской советской литературы, он принадлежал к особому поколению людей, в которых крепость духа не убила теплоту души.

Известная как самобытный поэт и глубоко воцерковленный человек, Валентина Сидоренко на сей раз выступит в жанре прозаическо-эпистолярном. «Возвраща-

ценные письма» исследуют творчество Гоголя в свете православного учения. О прозе Любови Московенко в цикле рассказов «Дедушкины уроки» хочу сказать особо, ведь основным адресатом этого произведения является молодой, и даже юный читатель. Кто еще научит его видеть красоту родной земли в каждой ее былинке и травинке? Как говорится, легко любить некую отвлеченную Родину, а вот полюби-ка родину малую в каждой травинке!

И, наконец, Галина Витальевна Афанасьева-Медведева... Ее подвижнический труд по изучению говоров русских старожилов Прибайкалья в 2020 году был оценен на самом высшем государственном уровне. Галина Афанасьева-Медведева стала лауреатом Государственной премии России за свою работу по истокам многообразного русского наречия. И у нас есть возможность прочитать ее исследование «Самая русскость нашей русскости». По сути это манифест о том, что страна и нация обретают себя не только в пространственных, но и в духовно-языковых координатах. А чтобы эти координаты не были для нас чем-то отвлеченным и абстрактным, и писателям, и — особенно! — читателям важны такие издания, как хрестоматия современной словесности.